

Александр Шевцов

Тойди тудда,
не знаю куда

Александр Шевцов

Пойди туда, не знаю куда. Книга 1

«Издательство Роща»

2018

УДК 82-312.1
ББК 84(2)6

Шевцов А. А.

Пойди туда, не знаю куда. Книга 1 / А. А. Шевцов —
«Издательство Роцца», 2018

«Давно это было. Жил в одной деревне охотник, и был он такой удалец, что не было ему равных во всей округе. Зверь и птица словно сами ему в руки шли. Звали его Федот, а прозвище было Федот, да не тот. И то сказать, случались с ним странные вещи, которые с обычными людьми не случаются... Многие молодые охотники ему завидовали, а старые поговаривали, что он знает с нечистой силой. Охотник только посмеивался и никого не разубеждал. Но сам-то он знал, что удаче своей обязан зоркому глазу, умению читать следы, точно книгу, и смекалке...»

УДК 82-312.1
ББК 84(2)6

© Шевцов А. А., 2018
© Издательство Роцца, 2018

Содержание

Присказка	6
Ружье	9
Избушка	13
Стром	17
Лесная деревня	21
Возвращение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Шевцов

Пойди туда, не знаю куда. Книга 1

© А. Шевцов, текст, 2018.

© А. Шевцов, иллюстрации, 2018.

© Издательство «Росса», оформление, 2018.

В оформлении книги используются «Небрежные рисунки» автора.

Присказка

Как охотник домой возвращался

Давно это было. Жил в одной деревне охотник, и был он такой удалец, что не было ему равных во всей округе. Зверь и птица словно сами ему в руки шли. Звали его Федот, а прозвище было Федот, да не тот. И то сказать, случались с ним странные вещи, которые с обычными людьми не случаются...

Многие молодые охотники ему завидовали, а старые поговаривали, что он знается с нечистой силой. Охотник только посмеивался и никого не разубеждал. Но сам-то он знал, что удаче своей обязан зоркому глазу, умению читать следы, точно книгу, и смекалке.

Не все было так просто с его смекалкой, но он об этом не догадывался, думал, что это просто сообразительность. Когда же приставали с расспросами, говорил, что искусство мекать перешло ему по роду, от его деда, который был знающим человеком, знатким. В ту пору люди уже плохо различали сообразительность и смекалку, поэтому верили в деда и успокаивались...

Вот как-то случился в деревне большой праздник. Тогда у каждой деревни был свой праздник. И пригласили на этот праздник местного колдуна. Колдунов в ту пору обязательно приглашали и на свадьбы, и на праздники. Если колдуна не пригласить, да не угостить хорошенько, он и навредить может. На свадьбах случалось, что колдун поезд с молодыми останавливал – лошади встанут, и никак их с места не стронуть. А то и обратит весь поезд с поезжаками в волков...

Пригласили, стало быть, поднесли уважительно чарку, поднесли другую. Колдун раздобыл, повеселел, стал шутки шутить, девок пощипывать. Тут молодые охотники к нему подсели, просят: «Дядя Миша», – в те времена к колдуну всегда как к дяде обращались, считалось, что он своих племянников не обидит.

– Дядя Миша, а пошутить шутку над Федотом!

– Отчего же не пошутить, – отвечает колдун. – Эй, стрелок Федот, выпей со мной!

А сам возьми, да и шепни над чаркой заветное слово. Федот взял чарку, хотел ко рту поднести и видит, что в вине словно нехорошо светится. Смекнул Федот, что тут колдовство, да словно невзначай и опрокинул чарку.

– Эк смекалист парень-то! – подивился колдун про себя. И захотелось ему заполучить Федота в ученики.

– Есть, – говорит, – у меня новое ружье. Хочешь его заполучить, стрелок?

Вся молодежь в деревне знала про это ружье: легкое, длинное, с золотой насечкой по стволу. Но не это было самым ценным в ружье. Было оно заколдованным: никогда не промаживалось и никогда не покидало хозяина. Многие пытались его украсть, но оно никому в руки не давалось. Колдун, случалось, вешал его в лесу на дерево, и никто взять не мог. Вот оно, только руку протяни, а протянул, и нет ничего, померещилось!..

– Кто же не хочет! – отвечает колдуну стрелок.

– Коли так, вот тебе испытание. В полнолуние приди ко мне ночью, да не по тропе от деревни, а обойди через моховое болото. Да не хитри, я сразу узнаю, через болото ли шел. Не побоишься? Только без ружья приходи, с пустыми руками.

Жил колдун на отшибе, в лесной избушке, на краю болота. Люди туда и днем-то ходить побаивались. А моховое болото за его избушкой и вовсе дурной славы место было. Жило в округе несколько странных людей, вроде деревенских дурачков, про всех говорили, что они такими с болота вернулись. А многие и не вернулись вовсе...

Нельзя сказать, что охотнику страх уж совсем неведом был. Но в себя крепко верил и так думал, что много в тех рассказах было преувеличений. Да и болотом этим он хаживал не

однажды, ничего с ним не случилось. Наступило полнолуние, Федот засветло вышел, обошел лесом болото и направился к избушке колдуна. Тут и стемнело.

Много стрелок по ночам охотился, ничего в лесу не боялся, охотник в лесу и есть самый страшный зверь. Но как только мхи под ногами почувял, начал на него наваливаться страх не страх, а будто трепет. И как только он этот трепет почувствовал, дорожка под ногами начала пропадать, а по спине словно холодок забегал, сивон.

Только он сивон почувял, стало ему мерещиться, будто тени серые вокруг него шмыгают. Повернешь голову – и нет ничего, трава, а сбоку опять юркнуло. Потом по кустам стало потрескивать. Остановится Федот, и треск прекратится. Пойдет, и словно шаг в шаг с ним кто-то сквозь кусты крадется.

А затем кто-то большой за спиной сопеть начал. Федот обернулся – темно и пусто. Пошел вперед – опять сопит. Решил Федот на это сопение внимания не обращать, мол, блазнит! А сопение все ближе. Федот крепится, не оборачивается. И тут что-то мягкое ему спину потрогало. От этого прикосновения полыхнуло у Федота в глазах, обдало всего жаром, и чуть было не бросился он бегом.

К счастью, вспомнил своего деда, как тот учил когда-то: если сивон почувял, не давай ему в страх перейти. Если же почувял страх, не впускай внутрь, выталкивай из себя. От страха разум потеряешь, а от сполоха со страхом всему пропасть.

Остановился стрелок, не оборачиваясь, сделал усилие и вытолкнул из себя страх, а сполох оставил. И тут же пропали шорохи, вернулось видение, все вокруг словно залило светом, дорожка точно серебряная засветилась, тени прочь отступили. Узнал Федот место, поглядел вокруг себя и спокойно пошел вперед.

Идет по дорожке и будто вдалеке гудьба ему слышаться стала, точно играют где-то на скрипках и свирелях...

«Опять мерещится», – подумал стрелок, но гудьба не прекратилась, наоборот, все громче становится. Вышел Федот из-за деревьев на большую поляну и видит, что странный народец хоровод водит. А посреди него несколько чудных существ и вправду на скрипках и свирелях играют. Да так весело, что в груди щемит...

Заволновалось у Федота сердце от этой гудьбы, будто что родное и давно потерянное узнал. Подошел он к кругу и слушает, смотрит. Народец этот удивительный, росту небольшого, немного выше пояса будет. Радостные, глаза сияют, губы улыбаются, и поют что-то такое родное, только слов не разобрать. Но на Федота не смотрят.

Страсть как захотелось стрелку в этот хоровод войти, а внутри что-то словно знает, что нельзя этого делать. Хоровод приближается, а стрелок жметя, отходит помаленьку. Но тут такое родное зазвучало в их пении, что у Федота комок в горле появился, того и гляди расплачется. А когда справился, зрение вернулось, глядит: уже внутри круга оказался.

И тут словно еще раз полыхнуло у него в глазах, стало совсем светло. И начал он видеть, что гудьба эта льется, точно свет, и людишки эти светятся, и сами они необычные, точно у них внутри два светящихся ядра – одно в животе, другое в груди, а голова темная. И глядят они не из нее, а словно прямо из сердца.

А те, что играют, совсем другие, у них таких светящихся ядер четыре. И голова тоже светится, и над ней еще ядро висит, больше головы размером. И они оттуда и смотрят на него. А взгляд такой отстраненный, совсем не человеческий. Мелкие глядят душевно и ласково, но проказливо. А большие – словно печалются о нем и сочувствуют, но ни подсказать, ни помочь не могут...

Понял Федот, что это не люди, а шишки болотные и лесные, и не дело человеку среди них задерживаться. Повернулся он и пошел к краю хоровода. А хоровод не выпускает, и он не знает, как выйти. Постоял и смекнул, нашел свою тропку и поклонился шишкам. Они вроде на него и не смотрели, а как поклонился, засмеялись и расступились.

Вышел Федот, повернулся и еще раз поклонился. Глядь, а хоровод уж на том конце поляны и в лес уходит... И свет по мху за ним тянется, точно след. А трава не примята...

Подивился стрелок, но свое дело не забыл и пошел своей тропой.

Подходит к избушке колдуна, а она вся осела от старости, и крыша внутрь провалилась. Не поверил своим глазам парень, думает, опять мерещится – еще недавно видел избушку, она крепкой была. Пробрался кое-как внутрь: сидит в углу остов и в руках заветное ружье держит.

– Ну, это ружье мое по праву, – сказал стрелок, и пальцы у остова разжались. Забрал Федот ружье и пошел коротким путем в деревню. Тут светать стало.

Подходит, места узнает, а деревни нет, словно и не было. Подошел, а там старое-старое пожарище, едва-едва обгорелые бревна местами из-под травы выступают. Все кустами и подлеском заросло. А на месте его дома и вовсе большие деревья растут, и возраст тем деревьям лет сто будет...

Тут вспомнил Федот, что рассказывали про маленький народец, и понял, что пока в их хороводе гудьбу слушал, много времени в его мире утекло. Сел на камень и задумался: что теперь делать?!

А что делать человеку, который не в свое время попал? Либо жить в этом мире, либо искать дорогу в свой!

Как жить?! Хорошо, людей не встретил, есть время подумать. А подумать есть о чем: вот вроде мир-то тот же, только на сотню лет позже, а другой... И принять его, ох, как трудно! Странно это показалось стрелку: был отчаянный и удалой, и в деревне его не сказать, что любили, даже девушку себе под стать найти не мог, а не может этот мир принять. Словно чужое здесь все, а там родное...

«Вот, – думает, – пойду сейчас, куда глаза глядят, найду натопанную тропинку, по ней выйду к людям. И что я им скажу? Как жить буду?.. Как в этом мире вообще жить? Надо искать дорогу в свой мир!»

А как искать? Где эта дорога? Да и бывают ли дороги обратно во времени? Мыслимое ли это дело по времени вспять вернуться? Все мечтают в прошлое попасть и ошибки свои исправить, да никому не удавалось! Да и не нашел стрелок в своем прошлом каких-то ошибок, которые бы исправлять требовалось... А мыслимое ли дело вперед убежать?! Многим ли такое удается?

Может, принять свою судьбу и посмотреть, ради чего его сюда занесло? Если и другие люди на болоте пропадали, может, он и не первый так по времени вперед уходил?

Велик соблазн сдаться судьбе. Какой бы она ни была. Просто сказать себе: «Видно, это судьба моя», – и смириться.

Но передохнул стрелок, напился через тот камень силой и стал видеть свои следы, точно они не на земле отпечатались. Встал и пошел обратно, мотать время вспять. «Много я зверя тропил, буду в этот раз свой след читать, – решил. – Если след сохранился, найду дорогу домой!»

Ружье

Всяк в лесу бывал, да не всяк лес видал! Мудрые люди говорили: вот пошел человек в лес, а как деревья увидел, так лес потерял. Смотрит прямо на лес, а видит одни деревья... А грибники-ягодники и деревья в лесу не видят. Они видят помехи, которые обходить приходится. А иногда видят что-то особое, как границы между грибными и негрибными местами. Их прямо тянет к таким местам.

А лес таким, кто грибные места видит, даже помогает. С любопытством лес смотрит на человека, и если человек ему нравится, он начинает тянуться к его носу струйками грибных запахов из грибных мест. Запахи эти, правда, не столько пахнут, сколько видятся как струи грибной воды, которая течет между лесинами.

Люди грибы до сих пор понять не могут, хотя чувят, что это что-то особенное. Грибы вообще не такие, как вся остальная живность в лесу, они словно водяные существа, а люди их потому и понять не могут, что пытаются их понять, не поняв их среду. Кто начинает видеть грибную воду, того по лесу, словно по реке, несет грибными потоками...

Но грибники могут видеть грибные течения в лесу, а лес все равно не видят. И дорогу домой они находят не так, как охотники. Как только они перестают охотиться за грибами и поднимают глаза от земли, а нос отрывают от грибных струй, они начинают вспоминать лес и дорогу, по которой шли. Грибник ищет дорогу домой в памяти, он ее вспоминает.

Охотник не так. Охотник, чтобы найти дорогу, смотрит в лес.

Пока все просто, охотника ведет солнце. И он запоминает свой путь, как потоки света, струящиеся между деревьями. Потоки эти постоянно меняются, поскольку солнце не стоит на месте, и поэтому охотнику надо видеть лес постоянно меняющим ток света. И возвращается он домой, как бы по этому току, вспоминая, как светился лес. И лес начинает для него светиться тем светом, даже ночью.

Лесу это нравится, и он любит настоящих охотников.

Но когда становится туго, и света долго нет, охотник забывает про деревья и видит только след, который оставил зверь, или который оставил он сам. След этот быстро пропадает с земли или травы, но очень долго живет в лесу. Живет и светится для того, кто видит.

Охотник, возвращаясь по следу, тропит в пяту, как говорят. То есть восстанавливает свой путь вспять. След от такого усилия наполняется светом его внимания и словно всплывает над землей, становясь частью леса. И охотник оказывается не в том пространстве, в котором хранятся вмятины от каблуков или копыт. Уж если быть точным, всплывая над землей, высветившийся след словно оказывается в том пространстве, куда может прийти и лес.

Лесу очень это приятно, он подозревает, что человек разумен и хочет пообщаться с ним, но человек не умеет его слышать. Для этого нужно быть очень внимательным и видеть то, что видит лес, потому что свет для леса – почти то же самое, что звук для человека... Только охотники, которые идут по следу, достигают такого внимания, чтобы лес с ними мог заговорить.

– Сколько раз в лесу плутал, – подумал Федот, – всегда по следу выходил! Да неужели и в этот раз след домой не выведет!?

Встал на след и пошел разматывать его вспять. След был четкий, шлось стрелку легко. И надежда все чаще садилась ему на плечо.

Надежда любит настоящих охотников, потому что они особые люди. Настоящий охотник – это не тот, кто метко стреляет. И даже не тот, кто много зверя и дичи бьет. Настоящий охотник живет путем, он для него слаще дома. Даже заблудившись, охотник не теряет надежду, что вернется домой, потому что сами лес и путь для него уже дом. И дом обязательно случается на этом пути время от времени. Нож, пули да порох, вот и все, что нужно охотнику, чтобы не унывать!

И все, о чем жалел Федот, что вместе со своим ружьем не взял и пороха: «С одним ножом в пути потруднее будет!»

Ружье без пороху бесполезно, хоть и красивое оно. А ружье-то было хорошо! И глаз, и руку радовало. Охотник ружье не так видит, как обычный человек. Он его руками и всем телом смотрит. Он сначала смотрит, как ружье в ладонь ложится, как курки взводятся, как в руке висит на ходу, как в плечо ложится, прикидисто ли. Прикидистое ружье взлетает к плечу быстро, и мушка у него при этом оказывается прямо под целью. А у неприкидистого она смотрит мимо цели, и из ружья нельзя сразу стрелять, его еще дослать в цель надо.

Ружье было не заряжено, но стрелок решил проверить, каково оно в руках, прикидисто ли, хорошо ли по уходящей цели. Увидел впереди у тропы камушек, взвел курок и прицелился. Ружье словно само к плечу взлетело, и мушка прямо прилипла к камню. Потянул за спусковой крючок, чтобы проверить, легкий ли спуск, ожидая, что раздастся щелчок. Но ружье с треском выкинуло вспышку, и камень разлетелся в пыль!

– Вот незадача! – подумал Федот. – Видать, заряжено было. Последний заряд зря израсходовал, а как бы он в пути пригодился! И как не заметил, что ружье заряжено?! Смотрел ведь точно, что на полке пороху не было...

Тут вошел он в лес и уже с опушки почуял дичь. Снова взвел курок и взял ружье наизготовку. На первой же поляне взлетела перед ним из густой травы тетерка и быстро пошла между деревьями. «Трудный выстрел», – подумалось у Федота, но ружье вдруг прыгнуло к плечу, и раздался выстрел. Тетерка упала...

Тут Федота пробрало до испарины: ружьишко-то оказалось и впрямь непростое! Не обманул старый колдун! С таким ружьем можно хоть всю жизнь дорогу домой искать, голодным не останешься.

Присел стрелок на поваленное дерево и сидел, пока не успокоился. И прибыла его надежда в силе, так что он почувствовал, что под ее весом плечи его поднялись и расправились. Но прибыло и удивление. От удивления родился у него вопрос: как такое возможно в этом мире?! И он чувствовал, как вопрос этот возится в его душе, устраиваясь поудобнее, раздвигая другие вопросы, делая их незначительными.

– Видать, долго мне с этим вопросом жить, – понял охотник.

Поднял тетерку и не нашел на ней следа от пули. Удивление его усилилось, а от этого вопрос стал больше и тут же начал выпихивать из души все, что могло от него отвлекать.

Сел охотник и принялся гладить ружье, рассматривая его заново. И увидел его новыми глазами. То, что до этого лишь слегка царапало его внимание, вдруг проявилось. Насечки на стволе и ложе были не просто сценами из охотничьей жизни, а изображали странных существ, охотящихся на небывалых зверей. Стенки у ствола были слишком тонкими, сам ствол слишком узким, а ружье слишком легким. И на плече оно сидело словно живое, точно кошка устраивалось. И даже будто грело слегка...

Он еще раз решил проверить, как прикидывается ружье, и оно снова неимоверно быстро прыгнуло к плечу, буквально заставляя его глаз искать зверя поверх мушки. Зверя, конечно, не было. Но охотник повел стволом, переводя с дерево на дерево, и вдруг крошечная мушка ожила и засветилась желтовато-золотистым, словно кошачий глаз, и потянула вбок.

И только охотник пошел за ней, деревья вокруг стали смутными, зато прямо перед мушкой все осветилось и начало приближаться, словно увеличиваясь. И приближалось, пока на каком-то очень далеком дереве охотник не увидел белку. Белка держала в передних лапах орех. И как только она поднесла его ко рту, охотник выстрелил и залился смехом, видя, с каким недоумением белка разглядывает свои пустые лапы.

– Что же ты такое? – спросил охотник ружье, глядя его руками, и почувствовал, что это неправильный вопрос.

Тогда он позволил вопросу родиться самому. И он родился:

– Кто ты такая?

И ружье точно замурлыкало, глядясь о его руки.

– Если бы была звездная ночь, смогли бы мы сбить звездочку с неба? – родился у стрелка следующий вопрос, и он почувал, как тело ружья напряглось, словно перед прыжком. И прозвучало в его голове без слов:

– Я тебя никогда не брошу...

Избушка

Люди очень хотели забыть своих богов, и первыми им удалось забыть голод и холод. Никто даже не помнит, какие у них были имена... Прирученный и одомашненный Дед Мороз – это проявление жестокого юмора, которого не лишено человечество. Чтобы забыть бога, его надо сначала осмеять! А затем выдрессировать, как собаку, быка, коня...

Только охотники еще знают, как идти голодным, пока не догонишь добычу, и помнят, что наши предки имели имена для множества оттенков холода. Но даже они уже не помнят этих имен. Хотя для них коченеть – это не то же самое, что происходит со ждущим автобус на стоянке. Коченеть – это когда пальцы больше не могут расстегнуть пуговицу в ширинке, чтобы согреть там руку перед стрельбой...

Если кто-то говорит, что ночевал в стогу, и не говорит, как это холодно, и что стог совсем не греет, даже в августе, он солгал. И тот солгал, кто якобы построил шалаш в лесу, и шалаш защищал его от дождя и ветра. Кто-то даже рассказывает, что спал у костра, но не рассказывает, что это был не сон, а битва с холодом. Разве что он ночевал в пуховом спальнике. Но тогда костер ни при чем...

Для городского человека переночевать у костра – это романтика и испытание сил, которые у него совсем не растрочены. Поэтому ему время от времени просто необходимо израсходовать эти силы, чтобы они не застаивались. Как выпустить дурную кровь. Но он так этого боится, что призывает себе в союзники огонь или траву и дерево. Только охотник знает, что, пока ты рассчитываешь на союзников, ты обречен.

Рассчитывать надо только на внутренний жар. Костер или теплый спальник выключают в человеческом теле способность извлекать жар, поскольку дают внешнее тепло. Если ты можешь извлекать внутреннее тепло и пережить ночь в лесу, прислонившись спиной к дереву, костер может быть даже в помощь. Но он больше не нужен, разве только готовить пищу.

Да и сено нужно не затем, чтобы греть тебя, сено должно удерживать тепло земли, которую ты согрел своим телом. Когда ты научился всему этому, когда вскрыл способности и внутренние источники тепла, как ни странно, ты начинаешь ценить избушки, которые встречаются в лесу. Это потому, что выживание перестает быть испытанием, все трудности больше не в радость и не в горе, они просто помехи. А неожиданная избушка в лесу – это подарок, даже дар забытых богов, который надо принимать с почитанием, а не только с благодарностью...

Поэтому охотник ценит избушки в лесу так, как давно уже не умеют ценить свою квартиру городские жители. Собственно говоря, лесная избушка и дом или квартира решают совсем разные задачи. Избушка защищает от природы, а квартира – от общества, его глаз и языков...

Охотник подошел избушке колдуна еще засветло, но не стал в нее входить. Он остановился в виду избушки и развел костерок, чтобы приготовить тетерку. Он подозревал, что избушка так просто ему не дастся. Он был в ней ночью, ночью и надо было искать след. Только кажется, что след виднее днем. Искать след надо не тогда, когда светлее, а тогда, когда оставил его.

Охотник ел и разглядывал избушку. В обычное время он бы ее починил, чтобы это пристанище жило. Но сейчас к ней нельзя было прикасаться. Поэтому он молча попросил у избушки прощения за то, что не сможет ей помочь в этот раз.

Поев, он поднялся и осторожно обошел избушку по большому кругу, надеясь на удачу. Но по ту сторону избушки не было не только следа, но даже той прогалины, по которой он к ней подошел ночью. Дневной мир, который знают люди, очень сильно отличается от ночного. Удача не улыбнулась.

Вернувшись к костру, охотник присел и начал ждать, не отрывая рассеянного взгляда от избушки. И как только Ясный всадник на красном коне опустил копыта своего коня за край земли, а на другом ее конце появилась грива белого коня Бледного всадника, в трещину между днем и вечером он заметил петлю, свившуюся вокруг избушки в несколько узлов...

В одно тугое усилие свет вечера вытеснил свет дня, и видение тут же исчезло, но стрелок уже понял, что ему противостоит судьба. Не так часто нам доводится видеть ее пряжу, некоторые умудряются прожить всю жизнь, глядя в другую сторону, и лишь у последней черты вдруг

приходят в ужас, видя, как серп из седого железа приближается к нити, которая всегда была перед глазами!..

Однако если ты хоть раз в жизни видел эту пряжу, ты уже никогда не обозначаешься. И никогда не будешь небрежен, потому что петли судьбы могут затянуться от твоих торопливых движений, как самая обычная нитка, вот только затягиваются они на твоём горле...

Те, кому приходилось сталкиваться с настоящей опасностью, способны видеть петли судьбы. Если им, конечно, удалось после этого выжить. Очень трудно выразить эту мысль ясно: выжить – это сейчас не о жизни тела.

То, что, попав в петлю судьбы, ты остаешься жив, не значит, что ты выжил после встречи с судьбой. Чаще мы выживаем до нее, так и не пройдя туда, где могла продолжиться твоя жизнь, которая была предназначена тебе судьбой. Если, столкнувшись с судьбой, ты не принял ее, если предназначенная судьбой, возможная жизнь так и не началась, потому что ты не смог в нее пройти, ты выжил?

Судьба ловит нас в свои ловушки, и охотник попался в ее петлю, когда прошел в будущее сквозь избушку. А мог и не пройти, не справиться, остаться в прежней жизни. А теперь он хотел невозможного – по той же петле вернуться вспять. Пройти сюда было вовсе не просто, но как войти в тот же ток судьбы еще раз?

Охотник поднялся и подошел к открытой двери избушки. Вчера он вошел в нее по серебристой дорожке ночного свечения и вышел с ружьем. Выходной след был, а входного не было. Как если у избушки был еще один точно такой же вход с другой стороны...

Он терпеливо стоял без движений, пока Бледный всадник на белом коне не проехал мимо него, и из-за дальнего леса не потекли потоки сумрака, в котором плыл черный конь Черного всадника. В этот миг разлома снова заискрились петли, и охотник твердым голосом потребовал:

– Избушка, избушка, встань по-старому, как Мать поставила!

И избушка вдруг захохала, заскрипела по-старушечьи и принялась поворачиваться. При этом ничто не менялось, не сдвинулось ни одно бревно, не упала ни одна доска, только пыль и сухой мох посыпались и закачались на волнах сумрака, сохраняя остатки тепла и света. Но словно сам мир повернулся вокруг избушки, и ее черный зев стал другим.

Вот теперь охотник знал, что ему можно войти. Он пригнулся и ступил за порог: остов белел все на том же месте, но потолок не был провалившимся, и пол из толстых плах был целым, словно Федот отмотал несколько десятков лет. Он знал, что должен попросить разрешения переночевать, протопить печь и поесть здешней еды...

Дрова лежали рядом с печкой, растопка хранилась в печурке. Стрелок развел огонь, поставил горшок с водой греться и хотел сварить остатки тетерки, но что-то остановило его, словно он оказался на краю обрыва.

Он замер, затем попятился и отошел на то место, где появилась мысль варить тетерку, а затем отступил по своему следу еще на шаг. Мысль про тетерку исчезла, и снова вернулась мысль, что надо приготовить какую-нибудь еду. Он поискал по полкам возле печи и действительно нашел немного крупы. Соли не нашел, и потому не стал добавлять в похлебку свою соль.

Сварив, он взял хозяйскую ложку и принялся есть горячую кашу. Ел вкусно, дуя на ложку и нахваливая. А когда поел, то не стал доедать дочиста, а соскреб остатки в одну кучку и вывалил их в подпечку со словами:

– Благодарю, хозяин, а вот и ты покушай со мной кашки!

Хозяину нельзя говорить спасибо, ему надо желать блага.

Ответа не было, но пришло безмолвное дозволение. Охотник залез на прогретую печь, положил шапку под голову и едва смежил веки, как у входа раздалась возня, и кто-то начал ломать дверь.

Сонная оторопь взяла охотника, он лежал и не мог пошевелить ни одним членом, и ужас обволакивал его со всех сторон, ища лазейку в сокровенное нутро. А дверь неумолимо распахнулась, и кто-то большой и лохматый полез в нее, громко пыхтя и взрыкивая.

Стрелок изо всех сил пытался отогнать от себя ужас и освободиться от оторопи, но никак не мог совладать с телом. Ужас стал его давить, и подумалось, что это его смерть пришла.

Но тут из-под печи вылез навстречу темному другой, похожий, и они сцепились.

– Пусти! – рычал первый. – Я его задавлю!

– Не пущу! – отвечал ему второй. – Он все как полагается делает: ночевать попросился, еду мою ел! Не дам!

Они выкатились за порог и скрылись в темноте, треща кустами.

Движение вернулось к охотнику, он вдруг резко успокоился, как будто ничего и не было, и понял, что пришла пора идти. Слез с печки и подошел к остову колдуна попрощаться. Остов вдруг рассыпался со звоном косточек, словно пропел какое-то звучное слово.

И охотник внезапно вспомнил, что успел не только смежить веки, но и видел сон. А в том сне колдун подошел и наклонился над ним, словно он и не на печке лежал. Наклонился и долго глядел в лицо, словно ожидая, когда Федот наберет достаточно силы, чтобы услышать. А потом сказал всего одно слово: «Стром!»

И пропал...

– Стром! – вот что прозвенел остов, рассыпавшись, понял охотник. – Что за стром?

Он взял ружье, поблагодарил за ночевку и вышел за порог.

Темнота смыла с земли его сегодняшний входной след, зато серебряно светился на ее поверхности след вчерашний и вел через прогалину на моховое болото...

Стром

Луна кружится вокруг Земли и не падает... И Солнце кружится вокруг Земли, и тоже не падает... А вот звезду можно сбить метким выстрелом, и она упадет на ладонь. Это не может быть случайностью. Либо там, высоко над Землей, есть твердь, по которой светила путешествуют, либо тверди нет, но есть среда, позволяющая существовать напряжениям, которые и удерживают светила от падения...

Если есть такая среда, в ней кто-то обязательно живет, кто-то приспособился и считает ее своим миром. Среда эта невидима, стало быть, такова ее природа. Природа тех, кто в ней живет, должна ей соответствовать. Поэтому мы не видим тех, кто живет в невидимой среде. Если кого-то не видно, мы вправе выбрать, считать ли их существующими...

Впрочем, про невидимую среду и ее обитателей все ясно. Их либо нет, либо они есть, но мы можем их не замечать. Хуже, когда невидимое буквально лезет нам в глаза, а мы их отводим. Не видеть невидимое легко, не видеть видимое – искусство и, быть может, дар. Зачем этот дар человеку?

Охотник тропил свой след в пята. После ночи в избушке и ужаса от бессилия перед приближающейся опасностью его нутро раскалилось, и он легко видел, как след плыл почти над землей в некой колышущейся среде, подобной теплomu воздуху.

Жар норовил выплеснуться из него, булькая, точно во вскипевшем медном чайнике, и охотнику стоило труда перехватывать эти всплески, одновременно удерживая осознание среды, в которой хранился след. Каждый раз, когда он ловил выплеск и заправлял его обратно, в свое нутро, его видение на мгновение блекло, а затем разгоралось еще сильнее, и он начинал видеть то ли струны, то ли морщины, ползущие от его следа куда-то за пределы свечения.

На какой-то миг они так заинтересовали его, что он упустил крошечную капельку внутреннего огня, и она упала почти на след, мгновенно пролившись по одной из морщин за пределы видимого. И там полыхнуло видением воспоминание, как волки загнали его зимней ночью на дерево, и один, подпрыгнув, ухватил за подметку сапога, прокусив кожу на ступне...

Эти морщины уходили то ли в его память, то ли в прошлое и были его переживаниями. Вглядевшись в ту боль, которая жила в прокушенной ступне, он нашел след, который пришелся на лежащий на тропе сучок. Сучок выступом вонзился в рану и вызвал боль. Охотник вспомнил, как поморщился от боли, когда наступал, и как перехватил какое-то метание сознания, возникшее при этом. Сейчас он видел, что это и была вспышка переживания. Тогда он ее не осознал, тогда все было слишком быстрым.

И он подумал, что видит сейчас не колебания воздуха вокруг следа, а само время...

Эту мысль он погнался прочь, поскольку не смог сообразить, что с нею делать. Она обиделась и улетела, оставляя за собой тонкие завихрения среды, словно следы крыльев, которые быстро таяли в воздухе. И охотник вдруг понял, что все пространство вокруг его следа заполнено не только морщинами, но и такими невидимыми завихрениями, которые почему-то не растаяли со временем.

Он остановился и стал вглядываться в одно из них, которое показалось ему мрачным. Усилив удерживая осознание, он не позволял себе отвлечься, и завихрения отчетливо превратились в след, тянущийся куда-то прочь, в сумрак, словно уходили вглубь воды. Он протянул к нему руку, рука двигалась медленно, словно во сне, а его палец все не мог дотронуться до буруна, который оставило неведомое крыло...

А когда палец все же преодолел бесконечное это расстояние и коснулся крошечного вихря, поверхность пальца словно распахнулась, и они слились – след крыла и оболочка, бывшая его телом. И это было плохо, потому что внутрь тела рванулась волна ужаса, который испытывал охотник, когда шел прошлой ночью к избушке и слышал за спиной сопение.

А в следующее мгновение он шел по ночной тропинке, а за спиной приближалось сопение, и ужас вливался в его сокровенное тело!

– Это же только мое воспоминание! – воскликнул мысленно охотник. – Эти морщины и завихрения – это все следы моих переживаний! Они в прошлом! Они не могут быть страшными!

Но это было не воспоминание. Все повторялось, и он снова шел той же дорогой, повторяя все, что уже проделал. Как в дурном сне, который никак не кончается. И очень не захотелось охотнику повторять весь пройденный путь еще раз. Но при этом появилось искушение попро-

бовать и посмотреть, что же получится, если пережить уже произошедшее заново. И он бы, пожалуй, пошел на это, но тут новая мысль завладела им: «А как я сюда попал?»

Он повернулся, оглядываясь: прямо за ним стоял огромный, мохнатый, больше медведя и страшней, и тянул к нему когтистую лапу! Охотник готов был испугаться, и даже увидел, как вспышка вполыха зарождается в его груди, как копящийся разряд молнии, чтобы отогнать этот ужас, но тут в пространстве справа от себя он заметил след из завихрений, которые отличались от всех остальных.

Это были какие-то живые завихрения. Непонятно было, чем они отличаются, но они отличались. Он потянулся к ним, и мохнатый начал блекнуть, словно таял.

– Я просто не хочу его видеть, – смутно подумалось у охотника, но живой след все больше овладевал его вниманием, и он не придумал значения своей мысли. А когда он коснулся завихрения, тело снова взорвалось, впуская его в себя, и он перенесся обратно, туда, где все еще тянулся к следу своего переживания. Это был след его собственного перемещения в переживание!

– Учили меня старые охотники не оставлять следов... – подумал охотник, вспоминая, как убирал мусор на каждой стоянке и затапывал костер. – А я ведь их совсем не понимал...

Он опустил руку и пошел по следу, недовольно хмыкая, когда видел, сколько же мыслей наплодил, пока шел той ночью к избушке. Почему-то ему хотелось почистить эти следы, словно прибраться на стоянке, чтобы в лесу все было чисто. Мысль эта была странной, потому что он не понимал, нужно ли это и возможно ли. Но то, что надо научиться не оставлять после себя следов, он понял точно: «Если я могу их видеть, сколько же людей может меня выследить? И прочесть меня!» – вдруг добавилось словно само.

Но вслед за этим пришло удивление от того, что ему так важно быть невидимым, и пока он его разглядывал, появилась поляна, на которой день назад шишки водили хоровод.

Поляна была пуста, если не считать огромного дерева, которое стояло посередине. Этого дерева определенно не было здесь раньше, но как может появиться дерево?! – усомнился в себе охотник, подозревая, что что-то путает. Однако сомнение осталось и усилилось, когда он подошел ближе: след уходил под дерево!

– Началось! – понял он и, не приближаясь, обошел дерево кругом. След шел под него и не выходил... Поляна была пуста и тиха, словно никакой живности не осталось в округе. Охотник снял ружье и обвел всю поляну, глядя через мушку, но и ружье не шевельнулось ни разу, и даже словно зевнуло со скуки.

Однако, когда он, продолжая круговое движение, подвел его к дереву, ружье вдруг ожило и словно заметалось. Оно чувало что-то, но что и где, разглядеть не могло: то приближало ствол, то искало в кроне, то пыталось заглянуть под комель и ничего не находило.

– Эге! – подумал охотник. – Да ты не простое дерево!

Он забросил ружье на плечо, подошел ближе и стал разглядывать дерево. По мере того, как он удерживал созерцание, дерево становилось ярче и даже начало светиться. Но ничего, кроме нарастающего ощущения, что за ним наблюдают, охотник почувствовать не смог. Он оглянулся, подозревая, что это мохнатый стоит где-нибудь на опушке и следит за ним. От этого ощущение наблюдения ослабло. И усилилось, когда он снова повернулся к дереву.

Слабое воспоминание начало стучаться в его сознание. Он прикоснулся к нему и вдруг оказался в далеком прошлом. Они с дедом шли в лес по грибы, он был еще совсем маленьким.

– Никогда не называй лесины деревьями! – услышал он наставление деда.

– Почему?

– Стадо видишь? Овцам и коровам понравилось бы, если бы их называли мясом?

– Нет! Но они же не умеют думать!

– Откуда ты знаешь, что они умеют?

– А дерево – это мясо?

– Дерево – это то, что остается от лесины, когда с него сдирают кожу. Дерево – это то, что ободрано. Хочешь жить в лесу – зови их лесинами.

Он вернулся к дереву и разглядывал его, ища имя. Это не дерево и не лесина... Нет, это не лесина! Это имя совсем не подходило тому, что стояло перед ним.

– Стром! – вдруг произнес он, сам удивляясь тому, что вырвалось. И в тот же миг заметил, что у дерева есть глаза, и оно наблюдает за ним. Давно наблюдает. Он давно это видел. И не видел...

– Стром, пропусти меня! – попросил охотник, снял шапку и поклонился, коснувшись шапкой земли.

Дерево вздохнуло, закрипело и... шагнуло в сторону. И охотник увидел, что в глубине его древесины, когда оно движется, светятся четыре ядра, а глаза смотрят на него из верхнего, как у тех, что играл шишкам гудьбу...

– Как бы я хотел с тобой поговорить, – подумал охотник и почувствовал, что по коре старого дерева словно проскользнула улыбка.

Но там, где только что стояло дерево, светился путь, и охотнику ничего не оставалось, кроме как ступить на него, посылая Строму всю благодарность своего сердца.

Лесная деревня

Долгое время люди считают, что отличаются от животных наличием разума. Точнее, его отсутствием у животных. Но это лишь мнение, даже самомнение. Люди вырождаются, обладающих разумом среди них все меньше, почти перевелись и способные видеть животных, а уж понимающих звериный язык и совсем не осталось...

Поэтому можно искать целый день или даже два и не найти такого, который видел животного. При этом люди постоянно рассказывают друг другу какие-то странные сказки про животных, с которыми они якобы знакомы, мол, животные – это такие милые, неразумные существа, которые постоянно ходят на четвереньках...

Те редкие люди, которые еще не совсем разучились видеть, видят и то, что животные не только разумны, но и умны. Но видеть-то они видят, да что с того! Глаза видят одно, а человек – другое. Глаза видят разумность, а человек видит то, что велит видеть мнение, даже если оно самомнение.

Чтобы видеть, надо не только смотреть, но еще и трясти головой и чесать задней лапой за ушами, чтобы стряхнуть с себя всех кровососов, которые разносят мнения. Что вы увидите, если посмотрите на свою кошку или собаку после этого? То, что она отличается от вас не разумом, а отсутствием мировоззрения!

Простой разум животных и древних людей видел мир, как видели глаза, без прикрас и лишнего. Мир был местом, где приходилось бороться за выживание. И поэтому разум постоянно улучшал способность видеть опасности, потому что от этого зависело выживание. Человек уничтожал драконов и великанов, и жить становилось все легче, а опасностей все меньше. Но человек не может без опасностей, поэтому он научился придумывать их себе.

Придуманная опасность требует неопределенно много силы, как большая цель, выходящая за рамки этого мира. Ведь неизвестно, как трудно тебе придется в тех мирах. И разум

принялся собирать силы. А где их взять? Конечно же, забрать из тех задач, которые обычно решаешь. Но как можно забрать силу из задачи?

Да просто убрав ее из числа своих задач. К примеру, была задача почитать множество богов. Сокращаем их число до одного, и сразу становится многократно легче. Но как убрать задачу, которая стоит перед тобой и постоянно лезет в глаза? Перестать ее видеть! Все так просто! И разум людей научился не видеть ничего лишнего.

Так и родилось мировоззрение. Все думают, что мировоззрение – это способ видеть мир. А оно – способ, как его не видеть! Как не видеть ничего лишнего!

Все на свете чего-то стоит. Возможность иметь больше силы оплачивается частичной слепотой, глухотой и потерей памяти. Как ты можешь помнить то, чего не видел, даже когда смотрел на него?!

Охотник шел по своему следу и не узнавал те места, по которым вел его след. Он должен был подвести его к опушке той большой поляны на моховом болоте, где водили хороводы шишки. А вместо этого все петлял и петлял по какому-то незнакомому лесу, который становился все выше и древнее. Никогда охотник не видел таких удивительных лесин, хотя исходил всю эту местность...

А в завершение неожиданностей лес распахнулся, и показалась лесная деревня. Деревня как деревня, вот только не было в этих местах никаких деревень! И лес был странным, и деревня была странной, и все-то в ней было не так, не по-людски! И дома-то стояли тесно и криво, будто их ставил человек с глазом, ничего не знающим о прямом. И срублены они были не так и крыты не тем!

Но пока охотник рассматривал деревню, его заметили деревенские дети, сначала настожились, а потом вдруг с криками: «Дедушка! Дедушка!» – окружили, облепили со всех сторон и потащили к крайнему дому.

На крики вышла из дома девица невиданной красоты. Вышла, встала на крыльце и смотрела на него огромными глазами, прижав руки ко рту, словно сдерживая крик...

Охотник засмутился от ее взгляда и хотел остановиться, но дети потащили его прямо к ней. Она сделала несколько шагов ему навстречу, произнесла: «Ты вернулся!» – и зарыдала, обхватив за шею...

Недоумение его росло, переполняя до самого горла, так что некуда стало вдыхать. Но он ничего не мог с этим поделать, поскольку чувствовал себя все глупее, подозревая, что его приняли за другого. Он было уже собрался отодвинуть ее от себя, но она сама отстранилась, взяла за руку и повела в дом. И так была она ему мила, что слова про ошибку замерзали, срываясь с его губ, и падали ледяными цветами на землю...

Дети тут же, кто юркнул вперед них в избу, кто разбежался по деревне с криками: «Дедушка вернулся!»

Она ввела его в горницу. Убранство дома было богатым. Повесила его ружье на крюк у двери и повела к глиняному урльнику, висевшему над расписанным цветами тазом, чтобы он мог умыться, и держала вышитый рушник на вытянутых руках, пока он плескался. Потом усадила в красный угол и принялась собирать на стол, все время глядя на него так, что у него перехватывало дыхание и разбежались слова.

В избу начали собираться люди, здоровались и присаживались к столу. Охотник вставал и кланялся каждому входящему. Люди как люди, странные, под стать деревне. Но здесь трудно было бы представить других. Скорее, как раз такие, какие должны жить в таких домах. А что в них странного, и не скажешь, вроде, все как должно быть у людей...

Охотник поел, гости выпили за его здоровье и возвращение, он поблагодарил и выпил за их здоровье, поблагодарил хозяйку. Все это время она сидела, подперев голову кулаками и не сводя с него своего бездонного взгляда. Это смущало, поэтому он не поднимал глаз от еды, чтобы не встречаться с ней взглядом. И не мог придумать, что делать, когда закончит трапезу.

Но как только он завершил с едой, она протянула руку к его ладони и спросила:

– Пойдем, посмотрим сына?

Он совсем потерялся от этих слов, но задавать вопросы было бы глупо, как и объяснять, что это не его сын. «Потом объясню», – подумал он, поднялся и позволил повести себя в другую комнату. Что за сын его там может ждать, он не понимал, но предполагал, что увидит зыбку с младенцем, раз «сын» не вышел его встречать вместе с остальными детьми.

В этой спальне окна были завешены черными полотнами, а у стены стояла большая кровать, в которой лежал древний старик. Он явно был при смерти и уже не замечал вошедших.

– Как я тебе благодарна, что ты успел! – шепнула хозяйка, наклонилась и поцеловала старика в лоб. Охотник в недоумении смотрел на это прощание.

– Он так тебя ждал последние годы, – сказала она и прижалась к его плечу заплаканным лицом.

– Кто? – невольно спросил охотник.

– Твой сын...

– Вот, значит, как пролетела эта сотня лет, – вдруг подумал охотник не своим голосом.

– Почему он состарился? – спросил он, сглатывая комок.

– Он твой сын.

– Почему ты не состарилась?

– Я дочь лесного царя, ты забыл?

– Почему я не состарился?

– Ты ушел. Ты ушел, как только твое время потекло снова...

– Ты моя жена?

– Нет. Я лишь мать твоего сына... Но если ты захочешь, я стану твоей женой.

– Я хочу. Стань моей женой.

Она поглядела ему в душу, улыбнулась и сказала:

– Тебе придется научиться ждать.

– Я научусь.

– В таком случае ждать нельзя, нам надо отсюда бежать.

– Когда?

– Пока мой отец не позвал тебя к себе.

– Бежим сейчас, – воскликнул он, вспыхнув, и огонь брызнул из его глаз.

– Вот за это я тебя и полюбила, – впервые засмеялась она, и старик в постели улыбнулся, не открывая глаз.

Она обошла комнату и плюнула во все четыре угла. Слюнки с шипением впитались в стены, и в их шипении слышалась невнятная человеческая речь.

– Слюнки, слюнки, сторожите мой покой! – сказала она, взяла его за руку, шагнула к окну и отдернула полотно. Окно тут же превратилось в провал, в конце которого мерцала звездочка.

– Ты совсем ничего не помнишь? – замерла она на миг перед провалом.

Он молчал.

– Ты и меня забыл... – тихо произнесла она, и в голосе ее звучала такая боль, что он готов был сгореть, но не сгорел, а начал замерзать изнутри, словно его сердце от стыда студенело и хотело расколоться на мелкие льдинки. Но лед в его сердце лопнул со звоном замерзшего озера, и вместе с паром из его рта вылетело:

– Василиса!

Глаза ее вспыхнули светом, она поднялась на носочки и поцеловала его в губы, а потом решительно шагнула в провал.

Провал тут же закрылся у них за спиной, и снова появилось окно. Но звезда так же дышала впереди. Они шли и шли, а провал не кончался. А когда кончился, они оказались на берегу реки.

– Плыви! – сказала она ему, показывая рукой на другой берег. – Плыви гораздо, пока погони нет!

– Эх! – вдруг спохватился он. – Ружье забыл!

– Твое ружье никогда тебя не покинет, – улыбнулась она. – Его тебе забыть не удастся.

Ты меня не забудь. Плыви!

– А ты?!

– Я приду к тебе, если будешь ждать. Я приду, сумею тебя узнать, когда забудешь.

– Как я могу не узнать такую красоту?!

– Ты человек, ты не знаешь, о чем говоришь! Пока будешь плыть, повторяй раз за разом: не убивай без нужды, не убивай без нужды! Не убьешь без нужды, и я буду с тобой. Быстрее!

Он бросился в воду и долго плыл по страшной ночной реке, повторяя: «Не убивай без нужды, не убивай без нужды!»

А река точно лечила его сердце, смывая горести и боль вместе с памятью...

А на берегу он увидел свое ружье висющим на ветке, и неожиданно всплыло: «Не убивай без нужды!»

Он взял ружье и обернулся. На том берегу что-то мелькнуло, словно девица махнула белым платком. Но это была лишь птица с белыми крыльями, которая скрылась в лесу...

– О, так это же наша Черная речка! – вспомнил охотник место, где оказался.

Возвращение

Человек глуп! Народ умен, народ знает! У народа на каждый возможный случай есть, что сказать! Не всегда скажет народ, иногда и промолчит, но уж скажет – мало не покажется!

Умеет сказать русский народ. Вот сказал: «Знай себя, будет с тебя!» Я глуп, я пытаюсь понять и не понимаю.

Может, это «всяк сверчок знай свой шесток»? Или «выше головы не прыгнешь»? А может, «познай себя и станешь равен самому себе»? А так я, получается, ущербен и не полон? Вот он я, весь тут, и рубашка нараспашку! Но это тот я, который весь тут, а весь ли я тут? А что если я не полон и часть меня где-то гуляет? У нее, у этой части тоже рубашка нараспашку?

Или тот я, который еще не вернулся домой, совсем не так прост и хорош? А я хорош? Или я хорош, когда сплю?

А когда я сплю? Я сплю, когда вижу сны? Или я сплю, когда не сплю? «Жизнь моя, иль ты приснилась мне» – это про когда спал или про когда не спал?..

Охотник развел костер под деревом, на котором висело ружье, разделся и развесил одежду на ветках вокруг костра. Воткнул два сучка и повесил на них сапоги, наклонив к костру. Обсушил тело жаром огня и присел под дерево, набросив на спину горячие портянки. Взошло солнце и начало пригревать.

Что-то важное переполняло сознание. Но большое. Слишком большое. Он силился его ухватить, но не хватало силы отстраниться и окинуть единым взглядом. Это усилие утомляло больше, чем ходьба по бурелому или плавание по быстрой реке. Утомление и тепло взяли свое, и он уснул, обхватив колени руками, ощущая, что еще мгновение, и сможет схватить эту свою муку...

Проснулся охотник, когда солнце было уже высоко. Одежда почти высохла, и он не стал ее досушивать, подумав, что на ходу она высохнет лучше. Оделся, забросил ружье за плечо и пошел в деревню. На душе было печально, словно от потери или какого-то предчувствия, но он не понимал, почему.

В деревне все было, как всегда. Вот только сама деревня показалась ему немножко странной, словно строившие ее обладали слишком прямоугольным умом. Все как всегда, но в этом был обман! Какой-то обман, который можно было рассмотреть, если сделать усилие... Но это быстро прошло, отвалилось, словно шелуха, и привычная жизнь втянула его.

Он шел к своему дому, здороваясь с соседями, махавшими ему из-за плетней. Девушки у колодца хихикали, глядя в его сторону. Они всегда так делали, и он привык, и привычно осмотрел себя внутренним взором – все ли в порядке у него в одежде.

Дома тоже все было привычно. Избушка одинокого мужчины, да еще и охотника – жилье простое и незатейливое. У него даже запора на дверях не было – чего у него воровать? Разве порох и пули? Ружье? Ну, ружье так просто не украсть, любой охотник узнает свое ружье, ружье – вещь приметная. Его все сразу узнают. Поэтому свои на ружье не позарятся.

Его старенькое ружье висело на месте...

А что тогда за ружье за плечом?

Он снял ружье, подсел на скамью к окну и принялся его с недоумением разглядывать.

– Здорово, Федот! Долго же тебя черти носили! – В избу ввалились приятели, заметившие, как он возвращался. И сразу же их руки потянулись к ружью.

– Ого! Не обманул колдун?! Отдал?! Дай посмотреть!

Он отдал ружье и начал думать, чем покормить гостей. Охотничья сумка у него была пуста, значит, дичины нет.

– Стрелял? Добыл чего?

– Не-ет, – неуверенно протянул он, – не стрелял!

– Ты чё! Тебя столько дней не было! Чего же ты ел?

– Ел? Ел чего-то... Сколько дней не было?

– Больше недели ходил. Неужто не стрелял ни разу?

По его ощущениям он ходил дня два, но не мог вспомнить ни их, ни остальные пять дней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.